

***

Поутру он белый вдохнет туман –
Выдыхает к вечеру черный дым.
Этот город сводит меня с ума,
Все равно что последний глоток воды
Перед долгой дорогой на крайний юг,
Где сухие версты в тоске песка.
Здесь никто не может найти приют,
Только все продолжают его искать.
Здесь любое слово бросает в дрожь,
Обернись на голос – и пустота.

Черный снег превращается в серебро,
Засыпает улицы,
замета –

Seasons

***

Ходики на стене, подтянуть бы гири,
Древние мерили время совсем иначе.
Горстка песка - и сразу же все – другие.
Вновь за стеной соседский ребенок плачет,
Время скользит, убегает, идет за нами,
Перегоняет, смотрит в лицо с укором.
Двое деревьев туго сплелись корнями,
Два силуэта застыли в кресте оконном,
Город - стекло и сталь на старинном блюде,

Не повторяй "январь", холодной не станет,
Двери открыть, натянуто улыбнуться –

Мы опоздали. Просто – мы опоздали.

***

И кто о чем, и снова – нарасхват
Слова. А ты прислушайся – в лесах –
Аукаются звуки, тают листья,
Дверь отворить – и осень где-то близко,
И постепенно перестать молиться,
И наконец-то можно забывать.

***

Выбирай, говорит, свой собственный лабиринт,
А потом кружи по нему всю жизнь наугад,
Принимая врага за друга и день за ночь,
И когда-нибудь (веришь?) становится всё равно,
Понимаешь, что каждому овощу – свой сезон,
Свой дракон – герою, а парусу – горизонт,
А в конце (или в центре) – свой собственный Минотавр,
Под названием старость.

Жертвоприношение

Они все шли и река текла, трава шелестела "Барух ха-Шем",
И кто-то, шепотом: "Иншалла"... Служанки прятали малышей,
Седой привратник (нож в рукаве) , захлопывал дверь,
Проверял засов...

В клинике выключают свет ровно в десять часов.
Врач теребит на пальце кольцо, думает о Мари,
И накрывает палаты сон, переходящий в тревожный стон,
После – в сдавленный крик.

Приходит и говорит – не ори,
Зажимает ей грязной ладонью рот,

– Мириады миров у тебя внутри,
Тысячи лет, серебро костров.
Козочка, ты – бесценный сосуд,
Нести да не расплескать!
(Их было много, ханжей и сук,
Всех богомольных каст.)
И, захлебываясь слюной,
(Вдоль коридора кричат – врача!)
– Жидовской крови – разрешено
Пока что – восьмая часть.
И будет потомство твое – что грязь –
Рожать и рожать рабов.
В преддверии звонкого января
Грядет справедливый Бог!
Родишь царя к белоснежной зиме...

(Заклинило дверь, еще рывок –)

Ладони ищут острый предмет,
В кровь расцарапывают живот,
Врач второпях роняет шприц,
Санитар затягивает ремни –

В полях колосился капризный рис,
Они все шли и считали дни.
Туманы, тучи – за слоем слой,
В мутном небе хотя бы одна звезда!

Свивали четки цветной петлей,
И повторяли: "Не опоздать..."